

<https://doi.org/10.5281/zenodo.11413085>

Канатовой А

Данная работа выполнена магистрантом 1-курса КГУ имени Бердаха факультета истории

Актуальность: *В среднеазиатских; документах конца XVI в. каракалпаки уже упоминаются как особая народность, живущая в бассейне нижней Сыр-Дарьи, в окрестностях города Сыгнака.*

Ключевые слова: *Бухарский хан Абдулла, этноним «каракалпак», Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, пустыня Кызылкум, сборник «Материалы по истории каракалпаков».*

Первое достоверное известие о каракалпаках относится к 1598 г. Это - выданная бухарским ханом Абдуллой жалованная грамота мавзолею святого Зияэددина в Сыгнаке; перечисляя население «аймаков» прилегающей к этому городу местности, автор документа называет среди других народностей и каракалпаков. Вступительная часть документа гласит: «Всем великим сейидам, благородным шейхам, славным имамам, высокоученым мужам, почтенным эмирам, начальникам водного надзора [арбаб], тысячным и сотским и прочим начальникам, [а также] всем крестьянам и обществу местных жителей и всем обитателям, [а также] всем аймакам, живущим постоянно в селениях [полуоседло], в кишлаках и кочующим, [и их] начальствующим лицам [в том числе] арабам, тюркам, казакам и каракалпакам, пусть будет в настоящее время ведомо...».

Анализируя проведенную в документе градацию населения по образу жизни и по хозяйству, П.П. Иванов отмечает, что каракалпаки, отнесенные к группе «аймаков», по-видимому, были полуоседлыми, переходящими на оседлое положение жителями окрестностей типичного среднеазиатского феодального города - Сыгнака.

Область низовий Сыр-Дарьи, очевидно, была не единственным местом обитания каракалпаков в XVI в. Косвенные данные несколько - более поздних источников позволяют говорить и о других местах обитания отдельных групп этого народа. Так, часть каракалпаков кочевала вместе с казаками и ногаями между Самарой, Яиком, Эмбой и Юргенчем, т. е. в непосредственном соприкосновении с народами Юго-Восточной Европы, другая же часть тяготела к Средней Азии, находясь в сфере влияния Бухары или даже непосредственно «в бухарских улусах».

Своеобразие этнонима «каракалпак», обозначающего на всех тюркских языках «черная шапка», издавна привлекало внимание историков и востоковедов,

пытавшихся отождествить его с названиями различных средневековых племен, имеющими то же смысловое значение, и таким путем установить предков каракалпакского народа. Гипотезы о происхождении каракалпаков строились прежде всего на отождествлении с ними «черных клобуков» - печенежско-огузских племен, вошедших в состав населения Киевской Руси. Еще в 30-х годах XIX в. исследователи стали сопоставлять с «черными клобуками» упоминаемый Рашидэдином в рассказе о походе монголов в Россию народ «черных шапок». Известный востоковед первой половины XIX в. Д'Оссон впервые связал показания Рашидэдина с данными русских летописей. Во втором томе «Истории монголов» (1834-1835 гг.), где приводятся выдержки из «Сборника летописей» Рашидэдина о походе монголов в Россию, Д'Оссон пишет: «Они завоевали страну русских и черных шапок (каракалпаки); это - черные клобуки русских летописцев». Подобного же взгляда придерживался русский историк профессор Н.И. Березин, автор труда «Нашествие Батыя на Россию». Много толков вызывало также сообщение Эн-Нувеири о наличии среди кыпчаков Золотой Орды рода «черношапошников» - «кара-боркли», давшее основание предполагать, что «черные клобуки» после монгольского завоевания вошли в состав половцев-кыпчаков.

Но не все исследователи учитывали роль кыпчаков в происхождении каракалпаков. Так, Ховорс полагал, что каракалпаки - это средневековые печенеги, которые в послемонгольский период составили одну из ногайских орд, называвшуюся Алтыульской и занимавшую степи вблизи Аральского моря. Впоследствии, передвинувшись к востоку, она, по предположению Ховорса, получила название каракалпакской.

Во второй половине XIX - начале XX в. разработка проблемы происхождения каракалпаков не продвинулась. Вопрос о древнейших этапах их этногенеза по-прежнему не ставился и даже гипотеза о том, что «черные клобуки» русских летописей были предками каракалпаков, не стала общепринятой. Н.А. Аристов, например, в своих «Заметках об этническом составе тюркских племен и народностей» высказывался в очень предположительной форме: «Может быть и правы те ученые, которые производят каракалпаков от печенегов». Столь же неопределенно было мнение В.В. Бартольда: «Совершенно неизвестно, можно ли сблизить современных каракалпаков с «черными клобуками» средне-вековых русских летописей». Более того, появились в литературе обоснованные предположения (Вамбери и др.) о том, что родиной каракалпаков было Поволжье и что они не связаны этнически с народами Средней Азии, где являются будто бы лишь случайными и недавними пришельцами.

Первый советский исследователь истории каракалпаков П.П. Иванов совершенно справедливо указывал на то, что «вопрос о происхождении каракалпаков... до сих пор не получил в науке достаточного освещения и все высказывавшиеся на этот счет суждения пока не вышли за пределы более или менее

вероятных гипотез». Кроме того П.П. Иванов отметил методологическую неправомерность попыток решить вопрос о происхождении каракалпаков, исходя лишь из формального сходства семантики этнонимов. Чрезмерная упрощенность толкования этого вопроса сказывалась также в стремлении связать каракалпаков лишь с одним из средневековых народов, в спорах о том, кто именно был их предками: печенеги, половцы или ногаи. При этом авторы не всегда учитывали, что одни и те же этнографические группы (племена, части народностей) нередко входили в различные, сменяющие друг друга на протяжении истории политические объединения степных племен - родоплеменные союзы, феодальные «орды», ханства и пр.

Между тем наша наука рассматривает проблему этногенеза как одну из наиболее сложных и вместе с тем важных этнографических проблем. Это обуславливается самим содержанием и методом этнографии - науки исторической, исследующей особенности хозяйства, культуры и быта народов не только в их современном состоянии, но прослеживающей также пути формирования отдельных конкретных народностей, постепенное развитие и становление их этнографических особенностей с древнейших времен до настоящего. При разработке проблемы этногенеза какого-либо народа комплексно используются данные истории, археологии, этнографии, антропологии, лингвистики и других наук.

В первую очередь необходимы историко-этнографические и археологические исследования - для выявления этнических особенностей тех древних и средневековых племен и народностей, которые на протяжении истории участвовали в формировании изучаемого народа, были его «предками» и оказали влияние на процесс становления его современного этнографического облика. Благодаря организации серьезно поставленных научно-исследовательских работ за годы Советской власти в изучении проблемы этногенеза каракалпакского народа произошел большой сдвиг, в значительной степени за счет археологических и этнографических изысканий, а также вследствие разработки советскими тюркологами каракалпакского языковедения и накопления новых исторических и антропологических данных. Едва ли не самым важным явилось накопление новых археологических материалов, давшее возможность выявить главные этапы этнической истории населения Приаралья с древнейших времен и впервые построить научно обоснованную гипотезу о процессе формирования каракалпаков.

Еще в 1946 г. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР начала археологическое изучение труднодоступной пустынной области между низовьями Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. В этой области северных Кызылкумов, где в древности смыкались Дельты двух великих среднеазиатских рек, впадающих в Арал, до сих пор вся местность изборождена густой сетью пересохших староречий - дельтовых протоков. Из-за особенностей местных гидрографических условий протоки древних дельт (так же, как и современных) постоянно перемещались, пересыхая в

одной местности и затоплявая соседние. Несмотря на обилие воды и плодородие заиленных земель, здесь невозможно было вести устойчивое оседлое земледельческое хозяйство, и эта обширная дельтовая область, ограниченная с севера и северо-запада Аральским морем, а с юга - песчаной пустыней Кызылкумы, казалось бы, была исключительно неблагоприятной для жизни человека. Однако, как показали археологические работы Хорезмской экспедиции, человек обитал здесь с глубокой древности, с эпохи неолита. На протяжении всей истории, как убедительно свидетельствуют археологические данные, жители этих: мест, степные племена и народы, приспособившись к природным условиям, вели полуседлый образ жизни и сочетали занятие земледелием; со скотоводством, рыболовством, ремеслами.

Анализ большого археологического материала и сопоставление его с историческими источниками позволяет теперь обосновать принадлежность вновь открытых памятников и археологических культур тем или иным народам древности и средневековья и воспроизвести таким образом историческую преемственность этнических образований на территории междуречья низовий Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

Как было доказано в предыдущих главах, здесь обнаружены памятники древнейших предков каракалпаков - племен сако-массагетов ранней античности (VII-II вв. до н. э.). Большую часть территории в этом, районе охватывали поселения тех племен, которые, по Страбону, «занимают болота, образуемые реками», или «острова на этих болотах», а у других, более поздних авторов носят имя «апасиаков» - т. е. водных, речных саков, и таким образом, тоже имеют этноним, указывающий на их жизнь близ водных бассейнов.

На самом позднем этапе своего обитания в Приаралье - в IV-II вв. до н. э. - апасиаки оставили вдоль берегов Жаныдарьи особенно интересные памятники - сельские поселения с небольшими полями и примитивной ирригацией, ремесленные центры, города, крепости и величественные погребальные сооружения.

К северо-востоку от территории апасиаков, в низовьях современного русла Сыр-Дарьи, как указывалось выше, располагались другие степные племена античной эпохи - аугасии (речной или морской народ) и дахи (или тохары).

К следующему историческому периоду - раннему средневековью (V-VIII вв. до н. э.) - относится ряд городищ, оставленных местными приаральскими гунно-тюркскими племенами хионито-эфталитского - круга.

Наконец, еще более поздним временем - VIII-XI вв. - датируются описанные выше памятники огузов.

Новейшие археологические исследования Хорезмской экспедиции позволили ее научному руководителю С.П. Толстову обосновать свою концепцию ранних этапов этногенеза народов Приаралья, в частности каракалпаков. Он видит в сако-массагетском союзе апасиаков наиболее древний этнический элемент, участвовавший в формировании этого народа в эпоху античности. Начиная с первых

веков нашей эры в эту этническую среду проникают с востока хуннские элементы, а в VI в. - тюркские племена, ассимилирующиеся с местным населением. Гунно-тюркские племена хионито-эфталитов также, по мнению С.П. Толстова участвовали в этногенезе каракалпаков.

Следующей по времени этнической общностью, участвовавшей в основном в сложении туркменской народности, но сильно повлиявшей и на этногенез каракалпаков, были огузы, тесно связанные с самых ранних этапов своей истории с печенегами. Доказывая преемственность этнонимов аугасиев с огузами, а апасиаков с печенегами, С.П. Толстов отмечает, что аугасиев Птолеми локализовал «на северном отрезке Яксарта», т. е. в области, где впоследствии располагался центр Огузского племенного союза. Печенеги до своего перехода в южнорусские степи также частью жили в Приаралье. Это подкрепляет доводы С.П. Толстова об идентичности древних этнонимов со средневековыми и об исторической преемственности этих приаральских народностей, впоследствии игравших большую роль в жизни степей Восточной Европы, а с другой стороны - о глубоких исторических корнях взаимосвязей печенегов с огузами, восходящих ко времени обитания на смежной территории двух «водных» народов древности - аугасиев и апасиаков.

Что касается средневековых этапов этногенеза каракалпаков, то в их уточнении большую роль играют и новейшие достижения исторической науки.

В 1935 г. Институтом востоковедения АН СССР был издан сборник «Материалы по истории каракалпаков», содержащий статью востоковеда П.П. Иванова «Очерк истории каракалпаков» и обширную публикацию источников, относящихся к XVI-XIX вв., извлеченных из литературы, русских архивов и из восточных рукописей, преимущественно из хивинских хроник XIX в.

В «Очерке» П.П. Иванова была впервые систематически изложена история каракалпаков начиная с XVI в., со времени первого упоминания о них как о народе, живущем в низовьях Сыр-Дарьи; что же касается более раннего периода истории их формирования в народность, то автор, как указывалось выше, считая имевшиеся в его распоряжении материалы недостаточными, воздержался от окончательных выводов. Однако весьма важно, что он, во-первых, приводит и тщательно анализирует все данные о печенегах, кыпчаках и ногаях, призывает исследовать проблему происхождения каракалпаков путем углубления в прошлое этих народностей, с которыми была тесно связана их история; во-вторых, П.П. Иванов не отрывает процесса сложения каракалпакской народности от территории Приаралья и Казахстана. Он обращает внимание исследователей не только на западную (так называемую хазарскую) ветвь печенегов, в том числе и черноклобуцкие племена Киевской Руси, но и на их восточную (тюркскую ветвь), оставшуюся, несмотря на натиск огузов, между Волгой и Ником и постепенно сливавшуюся с соседними кыпчаками. Он отмечает родственные связи восточных печенегов с кыпчаками,

сходство их языков, близкий уровень культурно-экономического развития как факторы, способствовавшие все большему сближению этих двух народов.

Дальнейшие исторические, этнографические и лингвистические исследования показали правильность большинства суждений П.П. Иванова по вопросам средневековой истории каракалпаков.

С.П. Толстов в своих работах по этногенезу народов Средней Азии поддерживает и развивает взгляды П.П. Иванова, узловым моментом в истории формирования каракалпаков он считает образование печенежского политического объединения IX-XI вв. Касаясь восточной ветви печенегов, он, так же как и П.П. Иванов, видит в них важнейший элемент каракалпакского этногенеза и пишет, что после того, как «тюркские» печенеги подверглись в XI-XIV вв. сильному влиянию соседних племен - огузов, кыпчаков и тюркизированных монголов, а также включили в свой состав некоторые группы возвратившихся из южно-русских степей в Приаралье потомков западных («хазарских») печенегов, - они «стали этнической основой восточных ногаев и затем исторических каракалпаков XVI и последующих веков».

В XII-XIII вв., по мнению С.П. Толстова, процесс формирования каракалпаков происходил в составе возникшего в Приаралье объединения Канглы, образовавшегося на почве смешения огузов и пришедших с востока кыпчакско-кимакских племен. Что же касается происхождения этнонима «каракалпак», встречающегося в средневековых источниках в русской, персидской и тюркской формах (черные клобуки кауми-кулахи-сиях, кара боркли), то, по предположению С.П. Толстова, это половецкий (кыпчакско-кимакский) термин. Как отмечалось выше, о вероятности возникновения этого названия в тюркской форме «калпак» еще в XI в. в юго-восточном Приаралье говорил в одной из своих поздних работ и П.П. Иванов.

Однако совпадения данных археологической и исторической наук было бы еще недостаточно для решения такого сложного вопроса, как происхождение народа, не имевшего собственной письменной истории, если бы эти данные не подкреплялись обширным историко-этнографическим материалом, собранным рядом экспедиций и отдельными исследователями начиная с 1920-х годов, а также Каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции АН СССР, уже с 1945 г. ведущим исследования на территории Каракалпакии в сотрудничестве с местными учеными - этнографами и фольклористами. Этнографами записано у стариков, знатоков исторических традиций своего народа, множество устных исторических преданий о происхождении и составе каракалпакских племен, родов и родовых подразделений, об их передвижениях до и после прихода в дельту Аму-Дарьи. Кроме того, собран большой материал по традиционным формам хозяйства и материальной культуры, по прикладному искусству каракалпаков, который так же, как и родоплеменной состав, является ценным источником для решения вопросов этногенеза.

Изучение этнографического материала показало, что каракалпаки, как и туркмены, часть узбеков (так называемые аралы) и некоторые группы казахов, в

основном формировались в народность на территории Приаралья. Об этом убедительно говорит, прежде всего, присущий каракалпакам характерный тип комплексного хозяйства и полуоседлого образа жизни, унаследованный ими от своих древних и средневековых предков. В замечательном каракалпакском эпосе «Кырк-кыз» его героини - сорок девушек-воинов - возделывают землю на острове, а окружающая их природа, видимо, отражает дельтовые ландшафты - с одрами, камышами и песками. Анализ архаических черт этого эпоса позволяет предполагать, что в описании подвигов и быта каракалпакских «амазонок» сохранились древние традиционные обычаи саков, массагетов и сарматских племен с присущими всем им яркими чертами матриархата. Старинный женский головной убор каракалпачек - саукеле, - судя по действиям героинь эпоса, служил некогда символом власти и одевался предводительницами женских боевых дружин перед боем. С.П. Толстов считает саукеле почти тождественным царскому головному убору, изображенному на хорезмийских монетах I в. до н.э. Такое сходство вполне оправдано, если учесть, что в эпоху античности территории юго-восточного Приаралья, населенные степными племенами, составляли периферию могучего Хорезмийского государства. Хорошо сопоставляются также с хорезмийским археологическим материалом, в частности с орнаментацией керамики раннего этапа культуры апасиаков (для которой характерны сильные пережитки форм тазабагъябской культуры бронзового века), некоторые орнаменты каракалпаков, бытующие до сих пор в резьбе по дереву и по сырой глине.

Следующий этап формирования каракалпаков был связан, по всей вероятности, с известной по средневековым источникам местностью Кердер в пойме древней общей дельты Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, где Хорезмской экспедицией найдены городища племен хионито-эфталитского круга, датируемые V-VIII вв. Об участии этих гунно-тюркских племен в этногенезе не только каракалпаков, но и некоторых групп казахов есть свидетельства в археологических и этнографических материалах (в частности, наличие рода с названием «Кердери» у казахов Младшего жуза).

Еще больше данных представляют этнографические материалы для установления участия в этногенезе каракалпаков огузов. В пользу этого свидетельствует прежде всего имеющийся у каракалпаков род ябы или джабы. Народная этимология связывает этот этноним с названием лошади (клячи). На самом же деле такое название, по-видимому, связано с титулом правителей огузов - «ябгу», ставка которых находилась в низовьях Сыр-Дарьи. Именно там, в северо-восточном Приаралье («местность Каракумы») локализуют каракалпакские легенды и родину ябы, которых считают одним из самых старых каракалпакских родов. Это дает основание предполагать участие в этногенезе каракалпаков одного из огузских племен, которое получило свое имя от титула огузских правителей. Каракалпакское произношение «ябы» не может быть поводом к опровержению этой гипотезы, так как в сочинениях Абулгази-хана титул «ябгу» употребляется в близкой к «ябы» форме

«яви». Этногенетические связи каракалпаков с огузами проявляются, кроме того, в ряде этнографических аналогий с туркменами, в существовании исторических преданий о совместной с туркменами жизни в низовьях Сыр-Дарьи и о перекочевках оттуда в центральные районы Средней Азии, в близости многих мотивов орнамента вышивок и ковров, сходстве музыкальных мелодий, некоторых типов головных уборов и ювелирных украшений и т. д.

Еще более широки и убедительны связи этнографического материала по каракалпакам с печенежской этнической средой. С.П. Толстову удалось в родоплеменной структуре каракалпаков проследить сохранившиеся в ней традиции печенежской схемы деления военноплеменных союзов по формуле 1 : 2 : 2 : 2 : 5 (40 родов). В противоположность этому у туркмен сохранялась, по его заключению, традиция гунно-огузской схемы деления, их родоплеменная структура характеризуется соотношением 1:2:3:4 (24 рода). Н.А. Баскаков отмечает два общих для печенегов и каракалпаков родовых названия: 1) печенежское «Qabuqsın» и каракалпакское «Кабасан»; 2) печенежское «Ава», «Аваз» и каракалпакское «Абае». Кроме того, среди каракалпакских родов имелся также этноним «канглы», тождественный с названием огузо-печенежского союза XII в. «Канглы» (название, по видимому, генетически связанное с «кангар» - одним из имен печенегов) - самостоятельного владения, располагавшегося в XII в. по соседству с Хорезмом.

Что же касается связей со средневековыми кыпчаками, то они прослеживаются еще более явно: прежде всего, как отмечалось выше, в названии одного из крупнейших племенных объединений каракалпаков - «кыпчак» - и в том, что ураном этого племени, как оказывается, был клич «Токсоба!», тождественный с названием одного из наиболее значительных половецких племен («токсобичи» русских летописей); в уже упоминавшемся выше списке половецких племен, приводимом Эн-Нувеири, не менее пяти названий, сходных с каракалпакскими», в том числе племя «черных шапок» - кара-боркли. Видимо, прежде всего влиянием кыпчаков на этногенез каракалпаков объясняются те значительные этнографические аналогии с казаками, которые наблюдаются в материальной и духовной культуре, а также в семейно бытовом укладе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алимova Д. А. История как история, история как наука // Д. А. Алимova, Отв. ред. Э. В. Ртвеладзе; Предисл.: Ин-т истории АН РУз. Т. 1. История и историческое сознание. - Т.: «Узбекистан», 2008.
2. С.Камалов «Қарақалпақлардың халық болып қәлиплесіуі хәм оның мәмлекетлигинің тарийхынан» -Н., 2001.
3. С.Камалов, Ж.У.Уббиниязов, А.К.Кошанов, «Из истории взаимоотношений каракалпаков с другими народами Средней Азии и